

RU

Способность русских частиц передавать семантику крайности:  
аналитический обзор

Клюшина А. М.

**Аннотация.** Настоящая статья представляет собой аналитический обзор российских исследований, описывающих семантику и особенности функционирования русских частиц. Цель исследования – получить подробный экскурс в историю описания русских частиц и особенностей передачи ими различных значений, а именно семантики крайности. Научная новизна заключается в том, что изучение, обзор и анализ отечественных работ, посвященных исследованию особенностей употребления русских частиц, дополняют цикл научных работ автора по проблемам бытования функционально-семантической категории крайности в русском языке. В результате автор приходит к заключению, что частицы несомненно являются конститuentами поля семантики крайности.

EN

The Ability of Russian Particles  
to Communicate the Semantics of the Extreme: An Analytical Review

Klyushina A. M.

**Abstract.** The paper is an analytical review of Russian studies describing the semantics and features of the functioning of Russian particles. The research aims to get a detailed insight into the history of description of Russian particles and the peculiarities of their communication of various meanings, namely the semantics of the extreme. Scientific novelty lies in the fact that the study, review and analysis of Russian works investigating the peculiarities of Russian particles usage complement the author's cycle of academic papers on the issues of the functional-semantic category of the extreme in the Russian language. As a result, the author comes to the conclusion that particles are undoubtedly constituents of the field of the semantics of the extreme.

**Введение**

Настоящая статья впервые в лингвистической русистике систематизирует имеющиеся исследования о способности русских частиц передавать семантику крайности. Актуальность работы видится в необходимости изучения существующих научных работ об исследуемой проблеме, что важно для адекватного понимания современного состояния функционально-семантической категории крайности в лингвистической русистике; кроме того, такой экскурс в историю позволяет адекватнее определить особенности употребления языковых средств для передачи значения крайности в русском языке.

Данное исследование выполнено в русле изучения проблемы бытования функционально-семантического подхода в лингвистике (Клюшина, 2020b); особенностей употребления конститuentов поля крайности (Клюшина, Брагина, 2019; Клюшина, 2020a; 2020c; 2020d; 2021a; 2021b; 2021c; 2021d; 2021e; 2021f; 2021g; Ivanyan, Klyushina, 2021a; 2021b).

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, охарактеризовать специфику бытования русских частиц; во-вторых, представить эволюцию лингвистических взглядов на способности частиц выражать определенное значение; в-третьих, систематизировать мнения ученых о русских частицах с семантикой крайности; а также обозначить перспективы дальнейшего исследования.

Для осмысления развития научных взглядов на проблему бытования русских частиц в статье применяются следующие методы исследования: изучение и анализ научной литературы по теме исследования; анализ, синтез и обобщение деятельности российских ученых.

Теоретическую базу исследования составили публикации российских ученых, среди которых мы можем выделить В. Н. Завьялова (2009), С. М. Колесникову (2012), В. И. Муминова (2011), Т. М. Николаеву (1982), Е. А. Стародумову (1972; 1974; 1988; 2002; 2019), И. Н. Токарчук (2002; 2013), Е. С. Шереметьеву (1987).

Практическая значимость работы заключается в том, что проведенное исследование может быть учтено и использовано лингвистами, изучающими функционально-семантические аспекты русских частиц.

### Основная часть

Е. А. Стародумова (1997, с. 6) отмечает, что русский язык – один из самых «частицеобильных» языков, что, по мнению исследовательницы, проявляется и в количестве лексических единиц, причисляемых к частицам, и в их частотности. Зарубежные исследователи интересуются русскими частицами, так как видят в них отражение русского национального характера (Стародумова, 2002, с. 4), что позволяет нам считать частицы одним из ярких проявлений национальной специфики русского языка.

Обзор научных трудов по изучению частиц в русском языке позволил В. И. Муминову (2011, с. 9-14) определить четыре этапа в их исследовании. Опишем каждый из них.

До второй половины XVIII века частицы относились к разным лексико-грамматическим категориям и в самостоятельную часть речи не выделялись (Буслаев, 1959; Востоков, 1831; Греч, 1827; Зизаний, 1980; Курганов, 1769; Ломоносов, 1952; Смотрицкий, 1979). На втором этапе развития научной мысли частицы рассматривались в системе служебных слов, предпринимались первые попытки определения значений частиц и их классификации (Добиащ, 1897; Пешковский, 1968; Фортунатов, 1956; Шахматов, 1941; Щерба, 1957). В научных работах XX века изучение частиц происходит наиболее интенсивно: исследованию подвергаются значение, функции, особенности употребления (Каламова, 1954; Колодезнев, 1969; Леденев, 1961; 1964; Распопов, 1955; Светлышев, 1958а; 1958b; Скиба, 1957; Чистякова, 1949; Шведова, 1960; Широкова, 1957); выделяются восемь разрядов частиц (Виноградов, 1947).

В современной лингвистической русистике знания о частицах углубляются и расширяются. Таким образом, описаны отдельные частицы и/или группы частиц (Андрамонова, 1976; Булатникова, 1973; Знаменская, 1970; Иванова, 1970; Лосева, 2004; Лютц, 1992; Порошина, 1984; Стародумова, 1971; 1972; 1974; 1981; 1985; 1988; 1991; 2002; Токарчук, 2002); изучены особенности употребления частиц в русских народных говорах (Гринкова, 1951; Доля, 1963; Кодухов, 1954; Кузьмина, Немченко, 1962; Овчинникова, 1976; Прокуровская, 1976; Симонов, 1967; Собинникова, 1957; Трубинский, 1970; Шапиро, 1953), в языке фольклора (Богатырев, 1971; Десницкая, 1970; Оссоветский, 1958; Тарланов, 1977; 1979), в русском народном стихосложении (Штокмар, 1952), в устно-поэтическом языке (Евгеньева, 1963).

О способности частиц выражать ту или иную семантику писали многие ученые. Частицы являются «активным выразителем скрытых, субъективных, и явных, объективных, смыслов эмоциональных оценок и усиления их качества, участвуя тем самым в реализации коммуникативных намерений говорящего» (Маркелова, 1995, с. 94). По мнению Т. М. Николаевой (1985), частицы выражают весь максимум коммуникативного пласта высказывания – это слова, «максимально ответственные за удачу общения», обладающие столь же максимально «размытой семантикой, значениями неясными и неопределенными» и практически непереводаемыми (с. 14-18). Частица – это неизменяемая часть речи, служащая для придания различных дополнительных смысловых значений (модальных, эмоциональных, экспрессивных и проч.) словам, с которыми сочетается, словосочетаниям, предложениям в тексте, в которых употребляется, а также участвующая в формообразовании и выражающая отношение к действительности или сообщаемому (Колесникова, 2012, с. 11). Частицы имеют собственное значение, отличающее одну лексему от другой, добавляют различные, не лежащие на поверхности смыслы, – «высказывание-тень» (Николаева, 1985, с. 15). В каждой отдельной частице заложен собственный потенциал, служащий для выражения скрытых смыслов, который необходимо установить, используя подходящие для этого способы анализа (Муминов, 2011, с. 17). Частицы отличаются своим свойством сообщать нечто дополнительное, эксплицитно не выражаемую смысловую строку (Николаева, 1985, с. 13).

Анализ некоторых частиц с точки зрения их отношения к сообщаемому и внесения в него дополнительной информации, оттенков значения представлен в работе Т. М. Николаевой (1985, с. 24-25). Кроме того, ряд ученых солидаризируются во мнении, что семантика и функциональные свойства частиц взаимосвязаны и неотделимы друг от друга (Бирюкова, 2007; Борисова, 1999; Высоцкая, 1993; Гатинская, 1999; Копыленко, 1993; Крейдлин, Поливанова, 1987; Николаева, 1985). Существует несколько работ с изучением и описанием семантических и функциональных разрядов частиц (Борисова, 1982; 1990; Буглак, 1990; Кривоносов, 1982; Муковозова, 2002; Нагорный, 1995; 1999; 2001; Николаева, 1985; Порошина, 1984; Стародумова, 1974; 1997; 2002; Степенкова, 1982; Ховалкина, 2001; Чернышева, 1997; Штайн, 2001). Некоторые исследователи отмечают, что содержательную сущность частиц составляет прагматический аспект, а именно отношение говорящего к коммуникации и ее участникам (Апресян, 1987; 1995; Булыгина, 1981; Кобозева, 1990; Ляпон, 1986; Падучева, 1985; 1996; Романов, 1989).

В современных научных работах представлено описание отдельной частицы с попутным анализом семантически и/или функционально близких лексем (Алтабаева, 2001; 2002; Арутюнова, 1996; 1997; Баранов, 1987; 1994; Богуславский, 1989; Булатникова, 1973; Ветрова, 1995; Вязовик, 1981; Гатинская, 1999; Гольдин, 1998; Горбачик, 1997; Знаменская, 1970; Знаменская, 1985; Иванова, 1970; Колесникова, 2002; Крейдлин, 1975; Левонтина, 1991; Ляпина, 1997; Орлов, 1981; Паршин, 1988; Семенова, 2000; Синько, 1997; Чернова, 1995; Южакова, 2002). Такая идея пословного описания частиц считается оптимальной Е. А. Стародумовой (1974): «Достаточно полная и ясная картина функционирования частиц может быть представлена только на основе “пословного” их описания, исследования каждого слова – но обязательно с учетом его парадигматических связей с другими, функционально подобными словами» (с. 3).

Существует ряд исследований, в которых представлено описание частиц по разрядам. Традиционно В. В. Виноградов (1972) выделяет восемь разрядов частиц (усилительно-ограничительные, присоединительные, определительные, указательные, неопределенные, количественные, отрицательные, модально-глагольные). В «Русской грамматике» (1980, с. 725-731) описываются шесть разрядов частиц: формообразующие, отрицательные, вопросительные, характеризующие действие по протеканию во времени или результативности, модальные, утверждающие или отрицающие реплики. Известна классификация А. Мировича (1962), в которой систематизируются высказывания и словосочетания с частицами. Т. М. Николаева (1985) называет семантической классификацию Е. А. Стародумовой (1974), в которой выделяются частицы ограничительные, утверждающие, частицы крайности и действительные. По мнению В. И. Муминова (2011, с. 43), под экспрессивностью частицы понимается элемент ее лексического значения, который включает некоторый семантический тип отношения, сему, которая обеспечивает экспрессивность. Наиболее надежно с экспрессивностью связана сема интенсивности (усиление, нагнетание – в любом аспекте и направлении) (Прияткина, 2007, с. 305).

На способность частиц выражать семантику крайности прямо и косвенно указывают разные ученые: В. Н. Завьялов (2009), С. М. Колесникова (2012), В. И. Муминов (2011), Т. М. Николаева (1982), Е. А. Стародумова (1972; 1974; 1988; 2002; 2019), И. Н. Токарчук (2002; 2013), Е. С. Шереметьева (1987). Мы зафиксировали участие следующих разрядов частиц (по В. В. Виноградову): усилительно-ограничительные (*и, даже, просто, прямо, только, хоть, всего*), определительные (*именно*), количественные (*почти*), отрицательные (*не, ни*), указательные (*вот*), неопределенные (*кое-, -нибудь, -то*), модально-глагольные (*хоть бы, хотя бы*) (Табл. 1).

Таблица 1. Описание в научных работах способности частиц выражать семантику крайности

	усилительно-ограничительные частицы							определяющие частицы	количественные частицы	отрицательные частицы	указательные частицы	неопределенные частицы			модально-глагольные частицы		
	<i>и</i>	<i>даже</i>	<i>просто</i>	<i>прямо</i>	<i>только</i>	<i>хоть</i>	<i>всего</i>					<i>именно</i>	<i>почти</i>	<i>не</i>	<i>ни</i>	<i>вот</i>	<i>кое-</i>
В. Н. Завьялов						+											
С. М. Колесникова	+	+	+		+				+	+	+						
В. И. Муминов		+					+	+				+					
Т. М. Николаева	+	+			+	+	+						+	+	+		
Е. А. Стародумова	+	+			+	+	+									+	+
И. Н. Токарчук			+	+													
Е. С. Шереметьева			+			+											+

Кроме того, выявлены сочетания языковых единиц с исследуемыми частицами в составе, которые способны выражать семантику крайности, например: *хоть... хоть...* (Завьялов, 2009), *ни ... не ...* (Колесникова, 2012).

Т. М. Николаева (1982, с. 63) при исследовании семантики акцентного выделения перечислила почти все указанные нами частицы. По мнению исследовательницы, частицы *даже, именно, и, только, хоть, кое-, -то, -нибудь* способны передавать семантику крайности, которая располагает значениями **минимальности и максимальной** (выделения в тексте наши. – А. К.). В свою очередь, каждое значение обладает рядом субзначений, которые передаются исследуемыми частицами. Так, **значение минимальности** может быть представлено следующими субзначениями: (1) выбора (*– Дай бумагу! Ключок какой-нибудь дай*); (2) количества (*Он присел к столу и в каких-нибудь полчаса написал небольшую статейку*); (3) действия (*Только и говорит о том, как корабль споткнулся о камень*); (4) субъекта – объекта действия (*Он бы не стал возражать одному Панишну, он говорил только для Лизы*); (5) локализатора (*Только в вагоне он чувствовал себя хорошо*) (выделения в тексте наши. – А. К.). По мнению Т. М. Николаевой (1982, с. 63), **значение максимальной** представлено следующими субзначениями: (1) количества (*Он мне все-таки кое-что оставил*); (2) действия (*Он даже пел безукоризненно*); (3) субъекта – объекта действия (*Через год она даже шорох слышала за километр*); (4) локализатора (*Даже дома он продолжал свои изыскания*) (выделения в тексте наши. – А. К.). Отметим, что примеры не наши, они перечислены Т. М. Николаевой вслед за вышеуказанными рассуждениями. Таким образом, Т. М. Николаева (1982) писала о крайности, «понимая под этим **“крайние” компоненты** оси *min – max*, выражаемые акцентным выделением» (с. 63) (выделения в тексте наши. – А. К.).

По мнению В. И. Муминова (2011, с. 43-46), практически все группы частиц участвуют в создании **максимальной экспрессии** (выделения в тексте наши. – А. К.). Ученый перечисляет частицы, которые передают усиление, нагнетание, ограничение и расширение. Исследователь приводит примеры с частицами *даже, именно, вот* и др., указывая на способность частиц являться средствами преувеличения и преуменьшения.

С. М. Колесникова (2012, с. 24-25) пишет, что частицы, выполняя градуальную функцию, вносят дополнительные оттенки в значения других слов, придают особую градуальную окраску (**усиление** или **уменьшение** степени признака) (выделения в тексте наши. – А. К.). Ученый отмечает, что усилительно-ограничительные частицы употребляются чаще всего перед словом, которое они выделяют или усиливают, или сразу же после

него, а иногда они относятся ко всему высказыванию, придавая ему большую выразительность и убедительность (*вот, даже, и* и др.). По мнению исследовательницы, они играют роль качественных показателей смыслового веса слов или высказывания в целом. С. М. Колесникова (2012, с. 25-30) приводит примеры и с другими частицами, которые проявляют семантику усиления или уменьшения признака: *просто, лишь, только* и др.: *Это просто издевательство; Это стоит лишь пять рублей; Все давно уже за работой, а он только одевается*. Кроме того, интересным представляется рассуждение ученого об отрицательных частицах. С. М. Колесникова (2012, с. 25) отмечает, что в связи с частицей *не* частица *ни* получает усилительное значение: *ни капли не боюсь, ни черта не знаю*.

Усилительно-ограничительным частицам *даже, хоть, и* и модально-глагольным частицам *хоть бы, хотя бы* посвящено немало других работ. Е. А. Стародумова (1973) упоминала о возможности указанных частиц проявлять семантику крайности: «...при абсолютно разных значениях частицы *даже, хотя бы, хоть* имеют общий компонент – указание на **какую-то крайность**» (с. 8) (выделения в тексте наши. – А. К.). Исследовательница выделила три семантические группы акцентирующих (в нашей классификации – усилительно-ограничительных) частиц: ограничительные частицы; частицы, указывающие на предел; утверждающие частицы. Интерес для нашего исследования представляет вторая семантическая группа – частицы, указывающие на предел, так как в их семантику заложены значения **минимального** (*хоть, хотя бы*) и **максимального предела** (*даже, и*) (Стародумова, 1988, с. 11) (выделения в тексте наши. – А. К.). Е. А. Стародумова представила не только описание русских частиц в различных аспектах, но и дала своего рода «портреты» отдельных слов и привела лексикографическое описание частиц. Так, определяя сущность значения частицы *даже*, исследовательница ссылалась на толкование В. И. Даля (1955): «...выражает предел до чего-л., **крайность, крайнюю, высшую степень**» (с. 414) (выделения в тексте наши. – А. К.). Опираясь на сведения толковых словарей, автор пришла к мнению, что частицы *даже, хоть* и *хотя бы* указывают на предел, а предельность является общей семой этих частиц. Интересным для нашего исследования является мнение Е. А. Стародумовой (2002, с. 91) о том, что частица *даже* выражает **максимальный предел**, а частицы *хоть* и *хотя бы* могут выражать **как минимальный предел, так и максимальный** (выделения в тексте наши. – А. К.). Мы считаем, что в таких случаях речь идет о значении минимальности и значении максимальной семантики крайности.

Кроме того, исследовательница сформировала лексикографический «портрет» частицы *даже*: «...даже отмечает объект, признак как необычный, неожиданный и тем самым показывает **крайнюю, максимальную степень признака**, обозначенного предикатом» (Стародумова, 2002, с. 92) (выделения в тексте наши. – А. К.). В подтверждение высказывания Е. А. Стародумовой отметим, что в научной статье И. Н. Токарчук (2013, с. 52) «Особенности функционирования частицы “даже” в научном (медицинском) тексте» указывается, что исследуемая частица привносит значение **максимально возможного** (выделения в тексте наши. – А. К.).

При лексикографическом описании модально-глагольной частицы *хотя бы* Е. А. Стародумова (2002, с. 241) написала о ее употреблении в высказываниях, выражающих готовность говорящего **на какую-то крайность** (выделения в тексте наши. – А. К.). В. Н. Завьялов (2009) отметил, что частица *хоть* специализируется на выражении либо «**минимального**», либо «**максимального**» значений, в то время как *хоть... хоть...* совмещает в своем значении **оба предела** как равноценные с точки зрения говорящего (выделения в тексте наши. – А. К.). В свою очередь, Е. С. Шереметьева (1987, с. 28) тоже указала на общий семантический признак «**наименьшее из возможного выбора**» следующих частиц: *хотя бы, хоть* (выделения в тексте наши. – А. К.). На наш взгляд, выявленный ученым семантический признак «наименьшее из возможного выбора» можно считать значением минимальности выбора семантики крайности. Мы солидаризируемся с учеными в том, что усилительно-ограничительные частицы *даже, хоть, и* и модально-глагольные частицы *хоть бы, хотя бы* способны выражать семантику крайности.

Приведем обзор научных работ, посвященных усилительно-ограничительным частицам *просто* и *прямо*. И. Н. Токарчук (2002) изучила определения исследуемых лексем. Так, к семантической структуре частицы *просто* исследовательница отнесла значение высокой (очень высокой, **максимальной, крайней**) степени проявления признака. По мнению И. Н. Токарчук (2002, с. 23), в высказываниях с лексемой *просто* говорящий оценивает какой-либо признак как находящийся в крайней степени своего проявления, как некий предел, иными словами, оцениваемый признак фиксируется в своём предельном проявлении. Частица *просто* наиболее точно описывает степень проявления признака. И. Н. Токарчук (2002, с. 23) пришла к заключению, что специфика оценки, вносимой в высказывание частицей *просто*, определяется намерением говорящего подать оцениваемый признак как предельный; для говорящего является важным показать именно **максимальную степень проявления признака** (выделения в тексте наши. – А. К.). Описывая семантическую структуру частицы *прямо*, И. Н. Токарчук (2002, с. 20) предложила следующую формулировку одного из значений: говорящий, являющийся свидетелем описываемой ситуации, оценивает какой-либо ее признак как находящийся **в крайней степени** своего проявления, как некий предел, что часто не соответствует действительности (выделения в тексте наши. – А. К.). Также Е. С. Шереметьева (1987, с. 28) отметила значение частицы *просто*: «наименьшее из возможного выбора». Приведенные исследовательницами значения усилительно-ограничительных частиц *прямо* и *просто* приводят нас к мнению, что указанные лексемы относятся к конститuentам поля семантики крайности.

Также обратим внимание на усилительно-ограничительную частицу *только*. Е. А. Стародумова (1974, с. 40) упомянула значение **минимальности** действия, которое передается указанной частицей (выделения в тексте наши. – А. К.). Это позволяет нам считать частицу *только* лексической единицей с семантикой крайности.

Кроме того, Е. А. Стародумова (2019) определяла общее прагматическое значение усилительно-ограничительной частицы *всего* и рассматривала синонимические отношения *всего* с другими частицами

и аналогами частиц. Прагматическая особенность частицы *всего* заключается в выражении идеи «малости», а ещё точнее – **преуменьшения** говорящим какого-то количества. Е. А. Стародумова (2019) писала, что *всего* «выражает преуменьшение количества – времени, пространства, возраста или оценку количества предметов как незначительного» (с. 129) (выделения в тексте наши. – А. К.). По мнению ученого, значение преуменьшения проявляется в строго ограниченной сочетаемости: только со словами, словосочетаниями, выражающими количество: *всего два дня, всего несколько километров, всего пять страниц, всего неделя* и под. Е. А. Стародумова (2019) отметила, что в таких примерах «**преуменьшение доводится до крайности**: так мало, что не стоит придавать этому значения, и определенность количества неважна» (с. 130) (выделения в тексте наши. – А. К.). Отметим, что сочетание усилительно-ограничительной частицы *всего* с языковыми единицами, выражающими количество, способно передавать семантику крайности.

## Заключение

Подводя итоги, отметим, что исследованию частиц как языковых единиц лексического уровня языка, способных передавать семантику крайности, посвящено немало работ. Выявлено, что разнообразные частицы могут выражают семантику крайности, а именно: усилительно-ограничительные (*и, даже, просто, прямо, только, хоть, всего*), определительные (*именно*), количественные (*почти*), отрицательные (*не, ни*), указательные (*вот*), неопределенные (*кое-, -нибудь, -то*), модально-глагольные (*хоть бы, хотя бы*). Кроме того, определены сочетания языковых единиц с исследуемыми частицами в составе, которые способны выражать семантику крайности. Таким образом, установлено, что русские частицы являются конститuentами поля семантики крайности.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в необходимости проведения специальных исследований других конститuentов поля семантики крайности и структурирования поля семантики крайности с учетом полученных данных о способности русских частиц передавать семантику крайности.

## Источники | References

1. Алтабаева Е. В. К вопросу о функциональной специализации частицы «было» в грамматической системе русского языка // Средства номинации и предикации в русском языке: межвуз. сб. науч. тр. М.: МПУ, 2001.
2. Алтабаева Е. В. О парадигматике и синтагматике частицы «бы» в современном русском языке // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: межвуз. сб. науч. тр. М.: МПУ, 2002.
3. Андромонова Н. А. К вопросу о союзности частиц // Вопросы теории и методики изучения русского языка: сб. ст. Казань, 1976. Сб. 11.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография.
5. Апресян Ю. Д. Прагматика и лексикография: прагматическая информация для толкового словаря // Препозиционные установки в логическом и лингвистических аспектах: тезисы рабочего совещания. М.: Наука, 1987.
6. Арутюнова Н. Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова: сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева / сост. и отв. ред. Л. П. Крысин. М., 1997.
7. Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: сб. ст., посвящ. памяти Т. Г. Винокур. М., 1996.
8. Баранов А. Н. «Выделительное» и «событийное» значения частицы «да»: материалы к изучению семантики и прагматики диалога // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1987. Вып. 751.
9. Баранов Н. П. Заметки о «дескать» и «мол» // Вопросы языкознания. 1994. № 1.
10. Бирюкова О. А. Семантико-прагматические функции и стилистические возможности частиц в художественном тексте (на материале прозы С. Довлатова): дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2007.
11. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971.
12. Богуславский И. М. О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением «достаточно» и частицами // Логический анализ языка: проблема интенциональных и прагматических контекстов / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1989.
13. Борисова Е. Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // Вопросы языкознания. 1990. № 2.
14. Борисова Е. Г. Принципы описания служебных слов // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». 1999. № 2.
15. Борисова Е. Г. Семантический анализ усилительных частиц русского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1982.
16. Буглак С. И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого // Русский язык в школе. 1990. № 2.
17. Булатникова А. Е. Семантика и функции частиц «даже», «же», «то», «таки»: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1973.
18. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Известия Академии наук СССР. Современный литературный язык. 1981. № 4.
19. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.

20. Ветрова Н. В. Конструкции со словами «еще» и «уже» в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 1995.
21. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. - Л.: Учпедгиз, 1947.
22. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.
23. Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб.: Изд-во Импер. АН, 1831.
24. Высоцкая И. В. Семантика слова «ничего» // Многоаспектность синтаксических единиц: межвуз. сб. науч. тр. М.: МПГУ им. В. И. Ленина, 1993.
25. Вязовик Т. П. Конструкции с местоимениями, включающими частицу «вот» в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1981.
26. Гатинская Н. В. Функционально-семантическая характеристика служебного слова «как бы» // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст. по мат. докладов и сообщений: в 3-х ч. Смоленск: СГЛУ, 1999. Ч. 3. Морфология и синтаксис.
27. Гольдин В. Е. Заметки о частице «вот» // Лики языка (к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской) / отв. ред. М. Я. Гловинская. М.: Наследие, 1998.
28. Горбачик А. О понятии предела как средстве дифференциации лексических единиц «еще» и «уже» // Синтаксис: изучение и преподавание: сб. работ учеников В. А. Белошапковой. М.: Диалог; МГУ, 1997.
29. Греч Н. И. Прагматическая русская грамматика. СПб.: Изд-во Импер. АН, 1827.
30. Гринкова Н. П. Постпозитивный член в молотовском говоре Кировской области // Памяти академика Л. В. Щербы: сб. ст. Л., 1951.
31. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1.
32. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л.: Наука, 1970.
33. Добиаш А. В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага: Изд-во Грегера, 1897.
34. Доля Т. Г. Употребление частиц в говорах Заонежья // Ученые записки Петрозаводского университета. 1963. Т. 10. Вып. 3.
35. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
36. Завьялов В. Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры союзов в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2009.
37. Зизаний Л. Грамматика словенска. К., 1980.
38. Знаменская А. В. Частица «ну и» в современном русском языке // Ученые записки Смоленского государственного педагогического института. 1970. Вып. 24.
39. Знаменская О. В. Семантико-функциональная характеристика частицы «ведь» в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1985.
40. Иванова Т. К. Функции частиц «вот» и «только» в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Благовещенск, 1970.
41. Каламова Н. А. Переход наречий в служебные части речи: предлоги, союзы, частицы: автореф. дисс. ... к. филол. н. Львов, 1954.
42. Ключина А. М. Вербальная репрезентация функционально-семантической категории крайности в образе Дмитрия Карамазова // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2021а. № 1.
43. Ключина А. М. Взаимодействие конститuentов семантики крайности в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале романа «Бедные люди») // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: мат. II Междунар. науч. конф. (г. Воронеж, 21-23 апреля 2021 г.). Воронеж: ВГТУ, 2021б.
44. Ключина А. М. Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020а. Т. 11. № 4.
45. Ключина А. М. О взаимодействии семантики крайности с семантикой уменьшительности в художественном пространстве произведений Ф. М. Достоевского // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2021с.
46. Ключина А. М. О некоторых средствах выражения семантики крайности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Libri Magistri. 2021d. № 2 (16).
47. Ключина А. М. О семантике крайности в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // С любовью к Слову: сб. ст. уч. Всерос. с междунар. уч. науч. конф., приуроч. к 80-летию юбилею д. филол. н., проф. Л. А. Климовой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования (г. Арзамас, 9-10 февраля 2021 г.) / отв. редактор О. В. Никифорова. Арзамас, 2021е.
48. Ключина А. М. Особенности употребления лексемы «хоть» для передачи семантики крайности в произведении Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Лекантовские чтения - 2021: мат. Междунар. науч. конф. (г. Москва, 22 ноября 2021 г.) / отв. редактор Е. Н. Орехова. М., 2021f.
49. Ключина А. М. Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020b. Т. 13. Вып. 10.
50. Ключина А. М. Проявление семантики крайности в персониферии В. С. Высоцкого // Лекантовские чтения - 2020: мат. Междунар. науч. конф. (г. Москва, 20 ноября 2020 г.). М., 2020с.
51. Ключина А. М. Проявление семантики крайности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Наследие Ф. М. Достоевского и современность: тез. Междунар. науч. форума, посвящ. 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (г. Гомель, 25-26 февраля 2021 г.) / отв. ред. И. Г. Гомонова. Гомель, 2021g.

52. Ключина А. М. Сочетание частиц для передачи семантики крайности в произведении А. Геласимова // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2020d.
53. Ключина А. М., Брагина Ю. Д. Соотношение образности английских и русских фразеологизмов // European Scientific Conference: сб. ст. XV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 7 мая 2019 г.). Пенза: Наука и просвещение, 2019.
54. Кобозева И. М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990.
55. Кодухов В. И. К вопросу о «постпозитивном члене» в русском языке // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1954. Т. 92.
56. Колесникова С. М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции: монография. М.: Флинта; Наука, 2012.
57. Колесникова С. М. Частица «даже» // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: межвуз. сб. науч. тр. М.: МПУ, 2002.
58. Колодезнев В. И. О некоторых семантических особенностях частиц и их изучении в современном русском языке // Ученые записки Калининского педагогического университета. 1969. Т. 66. Ч. 1.
59. Копыленко И. М. О своеобразии семантики частиц // Семантика языковых единиц: мат. III Межвуз. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. М.: Альфа, 1993. Ч. II.
60. Крейдлин Г. Е. Лексема «даже» // Семиотика и информатика: сб. ст. М.: Наука, 1975. Вып. 6.
61. Крейдлин Г. Е., Поливанова А. Н. О лексикографическом описании служебных слов // Вопросы языкознания. 1987. № 1.
62. Кривоносов А. Т. О семантической природе модальных частиц // Филологические науки. 1982. № 5.
63. Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах // Материалы к исследованиям по русской диалектологии: в 6-ти т. М., 1962. Т. 3.
64. Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика. СПб., 1769.
65. Левонтина И. Б. Словарная статья частицы «-ка» // Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32.
66. Леденев Ю. И. О грамматической роли слов «только» и «лишь» в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. 1961. № 1.
67. Леденев Ю. И. О составе и функциях класса частиц в русском языке // Тезисы докладов на научную конференцию Ставропольского педагогического института. Ставрополь, 1964. Вып. 1.
68. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7.
69. Лосева С. В. Частицы в системе метатекстовых операторов: дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2004.
70. Лютц И. В. Составные частицы с компонентом «вот» в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 1992.
71. Ляпина С. В. Структурно-семантические функции лексем «еще» и «уже» в смысловой организации предложения: автореф. дисс. ... к. филол. н. Елец, 1997.
72. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. М.: Наука, 1986.
73. Маркелова Т. В. Частицы в высказываниях с оценочным значением // Русский язык в школе. 1995. № 2.
74. Минович А. Основные функции частиц в современном русском языке // Лексикографический сборник / АН СССР. М., 1962. Вып. 5.
75. Муковозова Т. И. Модальные слова и частицы // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: межвуз. сб. науч. тр. М.: МПУ, 2002.
76. Муминов В. И. Стилистические функции частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: монография. Южно-Сахалинск, 2011.
77. Нагорный И. А. К вопросу о диктумной функции модально-персуазивных частиц в высказывании // Семантика словоформ в высказывании: межвуз. сб. науч. тр. М.: МПУ, 1999.
78. Нагорный И. А. Роль частиц со значением недоверности в выражении утверждения-отрицания // Структура, семантика и функционирование: межвуз. сб. науч. тр. М.: МПУ, 1995.
79. Нагорный И. А. Экспликационная функция модально-персуазивных частиц в высказывании // Средства номинации и предикации в русском языке: межвуз. сб. науч. тр. М.: МПУ, 2001.
80. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.
81. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985.
82. Овчинникова Р. С. К вопросу о синтаксических функциях постпозитивных частиц в говорах русского языка // Вопросы русского языкознания: сб. ст. Куйбышев, 1976. Вып. 2.
83. Орлов А. Е. Значение и функции лексемы «только» // Семантика слова и его функционирование: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 1981.
84. Оссоветский И. А. Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян / под ред. В. В. Виноградова. М., 1958.
85. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
86. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.
87. Паршин П. Б. Сопоставительное выделение как коммуникативная категория: опыт процедурно-семантического описания: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1988.
88. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1968.
89. Порошина В. И. Выделительные-ограничительные частицы и их стилистические функции в языке былин: дисс. ... к. филол. н. Петрозаводск, 1984.

90. Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток, 2007.
91. Прокуровская Н. А. Частицы в устной речи жителей Удмуртии // Вопросы стилистики: межвуз. науч. сб. Саратов, 1976. Вып. 2.
92. Располов И. П. К вопросу о частицах в современном русском языке // Русский язык в школе. 1955. № 6.
93. Романов А. А. Прагматическая функция частиц в иллокутивной структуре диалогического текста // Текст: структура и анализ: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкозн. АН СССР, 1989.
94. Русская грамматика: в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1.
95. Светлышев Д. С. К вопросу о функциях частиц, выражающих эмоциональные оттенки речи // Ученые записки Ивановского государственного педагогического института. 1958а. Т. 17. Вып. 5-3.
96. Светлышев Д. С. Краткие замечания о своеобразии функций некоторых усилительных частиц // Ученые записки Ивановского государственного педагогического института. 1958б. Т. 17. Вып. 5-3.
97. Семенова О. В. Роль частицы «вроде» в выражении неточного (недостаточного) знания // Исследования языковых единиц в их динамике и взаимодействии: сб. науч. тр. М. - Уфа: БГУ, 2000.
98. Симонов В. В. Частицы в кировских говорах // Ученые записки Кировского института. 1967. Т. 1. Вып. 29.
99. Синько Л. А. Конструкции со словом «ведь» в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 1997.
100. Скиба Ю. Г. К вопросу о развитии служебных слов в русском языке // Научный ежегодник Черновицкого университета за 1956 г. 1957. Т. 1. Вып. 1.
101. Смотрицкий М. Грамматика Славенския правильное суптагма. К., 1799.
102. Собинникова В. Н. Постпозитивная частица «-то» в говорах Гремяченского района Воронежской обл. // Труды Воронежского университета. 1957. Т. 47.
103. Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток, 1988.
104. Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1973.
105. Стародумова Е. А. Значение и функции слова «тоже» // Ученые записки Дальневосточного государственного университета. 1971. Т. 12. Современный русский язык.
106. Стародумова Е. А. К вопросу о полифункциональности в русском языке (слово «особенно») // Вопросы грамматики русского языка: функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня: сб. науч. тр. Иркутск, 1981.
107. Стародумова Е. А. Русские частицы (письменная монологическая речь): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1997.
108. Стародумова Е. А. Синтаксические функции частицы «даже» // Ученые записки Дальневосточного государственного университета. 1972. Т. 62. Исследования по современному русскому языку.
109. Стародумова Е. А. Соотношение функций союзов и частиц в контактном и неконтактном расположении // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Лукьянова. Новосибирск, 1991.
110. Стародумова Е. А. Текстовые функции ограничительных частиц // Служебные слова и синтаксические связи: межвуз. тем. сб. Владивосток, 1985.
111. Стародумова Е. А. Функции ограничительного слова «только» в современном русском языке // Синтаксические связи в русском языке / отв. ред. А. Ф. Прияткина. Владивосток, 1974.
112. Стародумова Е. А. Частица «всево»: речевые функции // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации: мат. уч. IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (г. Усурийск, 21 февраля 2019 г.) / отв. ред. А. А. Новикова. Усурийск, 2019.
113. Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток, 2002.
114. Степенкова Л. И. Субъективно-модальные частицы в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 1982.
115. Тарланов З. К. Реликтовые функции в коллекциях русских пословиц по записям XVII-XX вв. // Язык жанров русского фольклора: межвуз. сб. Петрозаводск, 1979.
116. Тарланов З. К. Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения // Язык жанров русского фольклора: межвуз. сб. Петрозаводск, 1977.
117. Токарчук И. Н. Особенности функционирования частицы «даже» в научном (медицинском) тексте // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Филология, история, востоковедение. 2013. № 2 (49).
118. Токарчук И. Н. Частицы в языковом и речевом аспектах (на материале частиц «просто» и «прямо»): дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2002.
119. Трубинский В. И. Об участии постпозитивной частицы «-то» в построении сложного предложения // Севернорусские говоры: сб. ст. М., 1970. Вып. 1.
120. Фортунатов Ф. Ф. Частичные отдельные слова // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: в 2-х т. / отв. ред. М. Н. Петерсон. М., 1956. Т. 1.
121. Ховалкина А. А. К вопросу об описании строевых единиц (на материале функционально-семантического поля указателей малой величины признака) // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и мат. Междунар. конгресса исследований русского языка. М., 2001.
122. Чернова Н. В. Высказывания с частицей «оно» в русском языке // Семантика лексических и грамматических единиц: межвуз. сб. науч. тр. М.: МПУ, 1995.

123. Чернышева А. Ю. Проблемы функционирования частиц в сложном предложении: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1997.
124. Чистякова Л. М. Частицы в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1949.
125. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
126. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941.
127. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
128. Шереметьева Е. С. Особенности взаимодействия служебных слов в конструкции (союз и уточнитель) // Функции и условия употребления связующих слов в современном русском языке / отв. ред. М. И. Черемисина. Тюмень, 1987.
129. Широкова Н. А. Сравнительные частицы в современном русском литературном языке // Ученые записки Казанского университета. 1957. Т. 117. Кн. 2.
130. Штайн К. Е. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сб. ст. науч.-метод. семинара TEXTUS. Ставрополь, 2001. Вып. 71.
131. Штокмар М. П. Исследования в области русского народного стихосложения. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
132. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / под ред. М. И. Матусевич. М.: Учпедгиз, 1957.
133. Южакова Ю. А. К вопросу о семантике частицы «же» // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: межвуз. сб. науч. тр. М.: МПУ, 2002.
134. Ivanyan E. P., Klyushina A. M. Interaction of Categories of Uncertainty and Extreme // Proceedings of the International Conference “Humanity in the Era of Uncertainty” (ICHEU-2021). Samara, 2021a.
135. Ivanyan E., Klyushina A. The Use of the Phraseological Units with the Semantics of Extreme in Russian Discourse // The Discoursal Use of Phraseological Units / ed. by E. Arsenteva. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2021b.

#### Информация об авторах | Author information



Клюшина Алёна Михайловна<sup>1</sup>, к. филол. н., доц.

<sup>1</sup> Самарский государственный социально-педагогический университет



Klyushina Alena Mikhailovna<sup>1</sup>, PhD

<sup>1</sup> Samara State University of Social Sciences and Education

<sup>1</sup> [klyushina@pgsga.ru](mailto:klyushina@pgsga.ru)

#### Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.06.2022; опубликовано (published): 29.07.2022.

**Ключевые слова (keywords):** частицы; семантика крайности; функционально-семантическая категория крайности; русский язык; аналитический обзор; particles; semantics of the extreme; functional-semantic category of the extreme; Russian language; analytical review.